

от своих господ, рабов и колонов ищут спасения в монастырях. Середина IV в. — это время чрезвычайно стремительного развития монастырей, которые, как грибы после дождя, множилось в большинстве восточных провинций. Число неимущих, бежавших в монастыри было так велико, что государство вынуждено было предпринять экстренные меры для ограничения роста монастырей и возвращения из них к своим гражданским обязанностям многих бежавших туда. Император Валент с помощью военной силы закрывал многие монастыри, возвращая часть беглецов в их прежнее состояние и пополняя армию за счет способных нести военную службу монахов¹¹. Если одни из бежавших от гнета своих владельцев и государства создавали монастыри или вели отшельнический образ жизни, то множество других объединялись в отряды *latrones*. Источники этого времени говорят о чрезвычайно широком развитии движения *latrones*. Так, по словам Иоанна Златоуста, правительство вынуждено было на всех крупных дорогах держать на небольшом расстоянии друг от друга сильные сторожевые посты для охраны путников¹². Еще более разительно свидетельствует Либаний, который, правда несколько позже, в 387 г., опасаясь, что в результате вспыхнувших в Антиохии волнений сирийские *latrones* легко смогут захватить и разграбить город¹³.

Значительное количество беглого сельского населения стекалось в города в поисках работы и средств к существованию. Однако и положение городской бедноты, многочисленных в городах восточных провинций мелких свободных ремесленников и торговцев и особенно поденщиков было очень тяжелым. По словам Иоанна Златоуста, как «к земледельцу, так и к торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли»¹⁴. После введения в 314 г. хрисаргира, ложившегося основной своей тяжестью на торгово-ремесленную бедноту, положение последней еще более ухудшилось. Так же как и у мелких земледельцев, и у городской бедноты росли недоимки по податям, требование уплаты которых заставляло наименее обеспеченных продавать не только свое имущество и орудия труда, но даже и собственных детей, что и было узаконено уже Константином¹⁵. К хрисаргиру, ложившемуся на всех занятых каким-либо ремеслом, торговлей или промыслом, вплоть до проституции и нищенства, следует добавить все увеличивавшиеся муниципальные поборы и вымогательства куриалов. Среди ремесленников также растет стремление отказаться от своих профессий, иногда даже укрыться под сенью патроната и искать иным путем средства к существованию. Поэтому с 20-х годов IV в. правительство проводит все более жесткую политику прикрепления ремесленников и торговцев к своим профессиям и корпорациям¹⁶.

На почве растущего недовольства народных масс города с середины IV в. становятся все более частыми городские волнения, отмеченные источниками во многих крупных городах восточных провинций: Константинополе, Александрии, Антиохии, Кесарии Каппадокийской и др.¹⁷

Бедствия народных масс восточных провинций усугублялись в первой половине — середине IV в. длительными и в целом неудачными войнами

¹¹ Iohannes Chrysostomos. PG, t. 47, col. 319—328.

¹² Ibid., t. 47, col. 458.

¹³ Liban., Orat., XXXIII, 16.

¹⁴ Ioh. Chrys., PG., t. 47, col. 390. Ср. Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887, II, 38, 2—3.

¹⁵ Cod. Just., IV, 43, 2.

¹⁶ Cod. Theod., XIII, 5, 1—2; X, 20, 1; XIV, 4, 1.

¹⁷ Liban., Orat., XVI, 14; Ep., 1141, 1429.